
Профессоръ Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій и его
переписка съ архіепископомъ Костромскимъ Платономъ ¹⁾.

II.

Въ 1848~~9~~ году Петръ Симоновичъ окончилъ курсъ четвертымъ по списку магистромъ (XIII курса) и былъ оставленъ при академіи бакалавромъ гражданской исторіи. Съ искреннимъ желаніемъ трудиться, съ привычкою къ усидчивому труду молодой бакалавръ занялъ академическую кафедру. П. С-чъ мало былъ подготовленъ къ академическому преподаванію гражданской исторіи своимъ школьнымъ образованіемъ. Не говоря уже о семинаріи, въ самой академіи преподаваніе историческихъ наукъ, по словамъ П. С-ча, находилось въ жалкомъ положеніи. Въ сороковыхъ годахъ въ Московской академіи изъ круга историческихъ наукъ стало возвышаться значеніе церковной исторіи благодаря талантливому бакалавру этой науки А. В. Горскому и живому интересу къ ней ректора Филарета Гумилевскаго, но гражданская исторія продолжала оставаться незначительнымъ придаткомъ къ другимъ предметамъ академическаго образованія. На первыхъ порахъ академической дѣятельности П. С-чу приходилось знакомиться съ своимъ предметомъ, вырабатывать методъ научнаго преподаванія и пріобрѣтать, болышею частію на свои скудныя средства, необходимыя ученыя пособія. Невозможно было П. С-чу въ первые годы основательно изучить такой безконечно обширный предметъ какъ гражданская исторія и поэтому первыя лекціи его представляли несовершенный опытъ изученія предмета. Онъ самъ признавалъ неудовлетворительность своихъ прежнихъ ра-

¹⁾ Продолженіе.

богъ и никогда не довольствовался старыми лекціями, но постоянно ихъ передѣлывалъ. Но не блистая на академической кафедрѣ, П. С-ъ, въ тишинѣ своего кабинета изучая историческіе памятники, роясь въ книгахъ, пріобрѣталъ обширныя познанія и вырабатывалъ тѣ пріемы историческаго изслѣдованія, которымъ онъ далъ широкое приложеніе и въ академическихъ лекціяхъ и въ своихъ литературныхъ трудахъ. Громадная память, которою обладалъ П. С-чъ, давала ему возможность знать многое. Послѣ А. В. Горскаго онъ былъ первый изъ профессоровъ академіи, обладавшій громадною начитанностію. Изъ учившихся въ академіи въ то время всякій помнитъ, что послѣ Александра Васильевича Горскаго, за разнообразными свѣдѣніями и справками можно было обращаться къ П. С-чу. Способность къ всестороннему и критическому изслѣдованію предмета развилась у П. С-ча во время его самостоятельныхъ работъ надъ историческими памятниками. На характерѣ ученыхъ трудовъ П. С-ча отразилось вліяніе его друга А. В. Горскаго. Это кропотливое изслѣдованіе предмета, критическій анализъ, осторожность въ выводахъ, которые отличали ученія изслѣдованія Горскаго, были усвоены и П. С-чемъ. Академическія лекціи его, если не поражали новизною и оригинальнію взглядовъ, не шеголяли особенною обработанностію, то имѣли то достоинство, что знакомили учащихся съ методомъ строго научнаго историческаго изслѣдованія. Ученики П. С-ча съ благодарностію признавали, что уроки его имѣли важное значеніе въ дѣлѣ ихъ образованія. Почтенный профессоръ академіи Д. Θ. Голубинскій въ рѣчи, произнесенной при гробѣ П. С-ча говорилъ: „Обращаясь къ воспоминаніямъ о дѣятельности его, какъ наставника академіи, съ искреннею благодарностію должны мы признать, что уроки его имѣли глубокое значеніе въ дѣлѣ образованія нашего. Но это значеніе мы могли не вдругъ понять и оцѣнить. Для насъ, въ то время людей молодыхъ и отчасти склонныхъ къ увлеченіямъ мнѣніями германскихъ ученыхъ, даже не совсѣмъ понятнымъ казалось, почему наставникъ нашъ, излагая намъ историческія событія, иногда такъ мало повидимому останавливался надъ тѣмъ, что называютъ философіею исторіи, или строго критически относился къ мнѣніямъ ученыхъ, старавшихся въ пользу сво-

ихъ идей отыскивать въ событіяхъ какой то особенный смыслъ, но съ другой стороны мы замѣчали и то, съ какою тщательностію онъ старался передавать намъ самый ходъ историческихъ событій, съ какою осторожностію онъ обращался съ историческими памятниками, когда нужно было рѣшить какой либо спорный вопросъ. Такое изложеніе событій, строго основанное на фактахъ, съ одной стороны способствовало развитію здраваго взгляда на историческія событія, а съ другой и вообще приучало насъ къ исканію достаточныхъ основаній для нашихъ убѣжденій“.

При изложеніи историческихъ событій съ академической кафедрѣ П. С-чъ избѣгалъ обобщеній, не рѣшался вдаваться въ то, что называется философіею исторіи. Онъ держался того убѣжденія, что фактическая исторія еще не настолько разработана, чтобы можно было смѣло строить выводы. Въ началѣ своего курса П. С-чъ подробно излагалъ различныя философскія воззрѣнія на исторію, критически относясь ко всѣмъ. Строго православное направленіе и серьезное отношеніе къ дѣлу предохраняли П. С-ча отъ увлеченія мнѣніями новыхъ ученыхъ. „Нигдѣ не требуется такой осторожности и внимательности, говорилъ П. С-чъ въ своихъ лекціяхъ, какъ при изученіи исторіи, на поле которой перенесена вся борьба новыхъ идей въ настоящее время. Исторія повидимому предметъ самый легкій, доступный каждому. §Потому ни въ одной наукѣ учащіяся не смотрятъ такъ легко на свою задачу, нигдѣ нѣтъ такъ много непризнанныхъ дѣятелей, считающихъ себя за авторитеты. Подробное изученіе хода исторической науки лучше всего можетъ предохранить отъ подобныхъ ошибокъ. Кто знаетъ, какъ различно понимали въ разное время задачу исторіи, какіе выводили изъ нея противорѣчивые результаты, тотъ удержится считать себя непогрѣшимымъ авторитетомъ, и прежде чѣмъ вывести скороспѣлыя заключенія или увлекаться первою попавшеюся книжкою, считаемою послѣднимъ словомъ науки, вдумается первоначально и вдумается серьезно въ мнимо новые результаты, которые проповѣдуются ею, и можетъ быть найдетъ ихъ устарѣлыми и отвергнутыми“. П. С-чъ считалъ нужнымъ болѣе подробно излагать и критически разбирать тѣ теоріи, которыя были ходячими. Такъ когда Бокль увлекалъ умы молодежи, П. С-чъ знакомилъ

съ нимъ студентовъ, критически разбирая его воззрѣнія. Не увлекаясь взглядами историковъ, П. С-чъ не былъ настолько консервативенъ, чтобы отвергать ихъ безусловно. Нѣкоторые воззрѣнія историковъ, даже такихъ, какъ Бокль, онъ принималъ. „Попытка низвести исторію на степень естественныхъ наукъ, говорилъ онъ въ лекціяхъ, всегда останется тщетною. Разнообразныя и свободныя дѣйствія не могутъ быть изъяснены изъ однихъ законовъ физическаго бытія. Но безъ сомнѣнія это ученіе оказало услугу, заставивъ обратить вниманіе на географическія и климатическія условія бытія человѣка, изъ которыхъ многое можно объяснить въ судьбѣ человѣка“. Изъ всѣхъ историческихъ школъ П. С-чъ, кажется, предпочтеніе отдавалъ Нибуровой. При отсутствіи философскихъ умозрѣній лекціи П. С-ча представляли сухое изложеніе провѣренныхъ критикою фактовъ. Такое изложеніе конечно не могло возбуждать особеннаго интереса, но оно основательно знакомило слушателей съ историческими фактами и методомъ научнаго ихъ изслѣдованія. Нельзя сказать, чтобы въ лекціяхъ П. С-ча не было руководящей идеи. Онъ говорилъ: „считаю ложною мыслию, что исторія должна состоять изъ одного только разсказа о прошедшихъ событіяхъ, безъ личныхъ воззрѣній и руководящихъ идей“. Глубокое религіозное направленіе П. С-ча заставляло его, нисколько не насилуя фактовъ, указывать въ судьбахъ народовъ пути Промысла Божія. Самую исторію онъ опредѣляетъ „какъ развитіе человѣчества по вѣчному плану Божію, для востановленія образа Божія чрезъ Иисуса Христа“. „Такое понятіе объ исторіи проливаетъ удивительно ясный свѣтъ на жизнь человѣчества. Мы этимъ не говоримъ, чтобы конечный духъ могъ разобратъ всѣ нити событій, но намъ остается отрадное дѣло разсматривать исторію въ этомъ смыслѣ“. П. С-чъ считалъ нужнымъ въ своихъ лекціяхъ знакомить и со взглядами историковъ, утверждавшихъ не научность идеи Промысла въ исторіи, указывая при этомъ возможность провиденціальной точки зрѣнія на историческія событія. Въ одной изъ своихъ лекцій онъ говорилъ: „не скроемъ отъ васъ, что ни одна идея не гонится такъ въ настоящее время изъ исторіи, какъ идея Промысла. Говорятъ: это значить проповѣдовать устарѣлыя истины, проповѣдовать застои. Но есть

вѣчныя, но никогда не старѣющіяся истины. Прогрессъ не допускаетъ застою, но есть стояніе, которое служить причиною самаго стройнаго движенія. Въ центрѣ нашей планетной системы стоитъ солнце и его стояніе условливаетъ стройное теченіе всѣхъ планетъ. Воля Божія есть неподвижный центръ, около котораго вращаются въ стройномъ порядкѣ судьбы міра и человѣка“¹⁾. Нужно сказать, что П. С-чъ не питалъ особенной любви къ наукѣ, которую ему пришлось преподавать. Его религіозное чувство влекло къ исторіи церкви. Церковную исторію онъ признавалъ душою гражданской и старался преподаваніе гражданской исторіи поставить въ тѣсную связь съ исторіею церкви. И литературные труды его преимущественно относятся къ области церковной исторіи. Въ своихъ церковно-историческихъ изслѣдованіяхъ П. С-чъ тѣсно примкнулъ къ А. В. Горскому и былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ томъ серьезномъ, научномъ изученіи церковной исторіи, особенно отечественной, по памятникамъ, какое началось въ Московской академіи со времени вступленія А. Васильевича на церковно-историческую кафедру.

Въ жизни П. С-ча въ первые годы его службы въ академіи одно обстоятельство имѣло большое вліяніе на послѣдующую его дѣятельность, привязало его навсегда къ академіи и, кажется, сдѣлало изъ него аскета науки. Это знакомство съ семействомъ Д-хъ и увлеченіе одною изъ дѣвицъ этого семейства. По словамъ самого П. С-ча „это было аристократическое семейство, блиставшее нѣкогда въ свѣтѣ, но разстроенныя обстоятельства заставили его сократить прежній блескъ. Стоя иногда въ трапезѣ монастыря, видалъ я нерѣдко, что мимо меня проходила мать съ четырьмя прекрасными, какъ Божій день, дочерьми. Тогда я не думалъ, что буду такъ близко знакомъ съ ними. Нужно было имъ ввѣрить кому либо хлопоты по своимъ дѣламъ и имъ указали на меня. Сначала я отказывался отъ этого порученія. Но чему быть, тому не миновать“. Ходя въ домъ къ Д-мъ, П. С-чъ со всѣмъ пыломъ молодого неиспорченнаго

¹⁾ О религіозномъ направленіи въ лекціяхъ по гражданской исторіи П. С-ча сказано въ статьѣ: изъ воспоминаній объ академическихъ чтеніяхъ П. С. Казанскаго. Душ. Читенію 1879 г. II.

сердца полюбилъ одну изъ дѣвицъ этого семейства. Намъ неизвѣстны подробности этихъ отношеній; записки автобіографическія П. С-ча и его письма, относящіяся къ этому времени его жизни, были сожжены тотчасъ послѣ его смерти. Знаемъ только, что любимая имъ дѣвушка вышла за другаго. Предполагаемъ, что это былъ сильный ударъ для нѣжнаго сердца П. С-ча. Съ этого времени онъ, не ожидая для себя никакихъ радостей въ жизни, исключительно посвятилъ себя научнымъ занятіямъ. Эти занятія для него сдѣлались потребностію. Въ занятіяхъ наукою П. С-чъ находилъ успокоеніе отъ тревогъ своего сердца. Ученая дѣятельность П. С-ча изумительна. Это былъ истинно труженикъ науки. Онъ былъ одинъ изъ усерднѣйшихъ къ своему дѣлу и трудолюбивѣйшихъ профессоровъ. Постоянно занимаясь разработкою историческихъ вопросовъ, пиша разныя статьи для журналовъ, онъ всегда усердно и внимательно приготовлялся къ лекціямъ, постоянно слѣдя за всѣми новыми открытіями въ своей наукѣ. Онъ не поддавался свойственной старымъ преподавателямъ склонности поживать на лаврахъ своихъ прежнихъ трудовъ. Въ послѣдніе годы своей академической службы П. С-чъ писалъ: „Ниневію и Вавилонъ исправилъ по новымъ изслѣдованіямъ. Отставать въ лекціяхъ отъ движенія науки не хочется. Съ стариковъ въ этомъ отношеніи больше взыскиваютъ, чѣмъ съ молодыхъ“. Онъ не довольствовался пособиями, которыя доставляла академическая бібліотека, но постоянно пріобрѣталъ новыя книги по своему предмету, тратя на нихъ значительную часть своего жалованья, и составилъ у себя весьма значительную и цѣнную бібліотеку ¹⁾.

Въ 1870 году послѣдовало введеніе новаго устава въ академіи и 27 Іюня П. С-чъ былъ избранъ совѣтомъ въ помощника ректора по историческому отдѣленію. Съ введеніемъ новаго устава занятія П. С-ча увеличились; прибавилось число уроковъ, приходилось принимать участіе въ засѣданіяхъ академическаго совѣта, руководить студентовъ въ ихъ практическихъ занятіяхъ, но не примѣтно было, чтобы энергія его ослабѣвала.

¹⁾ Послѣ его смерти бібліотека его поступила въ Визанскую семинарію.

Кромѣ профессорской должности П. С-чъ въ продолженіи семи лѣтъ, съ 1864 г. по 1871 г. проходилъ должность цензора. Цензурныя дѣла не мало отнимали времени у П. С-ча и въ послѣдніе годы, когда зрѣніе его стало ослабѣвать, сильно тяготили его. Онъ говорилъ, что иногда въ мѣсяцъ приходилось ему прочитывать, какъ цензору, до 30 рукописей и книгъ. Часто приходилось ему не только прочитывать статьи, но по просьбѣ авторовъ передѣлывать ихъ вновь. Въ 1871 году онъ отказался отъ должности цензора.

Въ своей неутомимой энергической дѣятельности П. С-чъ постоянно находилъ препятствіе только въ одномъ—въ своей болѣзненности. Рѣдкій годъ онъ не подвергался тяжелой болѣзни и постоянно страдалъ разстройствомъ печени и желудка. При такомъ болѣзненномъ состояніи трудолюбивая жизнь П. С-ча, его энергическая дѣятельность были дѣйствительно высокимъ подвигомъ. Въ 1866 г. А. В. Горскій писалъ ему: „тридцать пять или тридцать шесть лѣтъ мы знаемъ другъ друга и живемъ вблизи другъ отъ друга. Я не видалъ, чтобы душа ваша когда нибудь утомлена труженнической жизнью. Всегда бодры и готовы къ дѣятельности. Такая энергическая душа скоро истощила бы и не такое хилое тѣло. Это даетъ надежду, что Господь и еще пробавитъ милость свою и въ сосудъ оскудѣвающій прольетъ новый елей жизни“.

Прослуживъ въ Академіи 30 лѣтъ П. С-чъ долженъ былъ оставить свою трудовую академическую службу неожиданнымъ и прискорбнымъ для него образомъ. 27 Сентября 1872 года исполнилось 30-ти лѣтіе профессорской службы П. С-ча и онъ не былъ избранъ Совѣтомъ академіи на послѣднее пятилѣтіе (при выборахъ получилъ 5 избирательныхъ и 5 неизбирательныхъ голосовъ). Совѣтъ, признавъ выборъ П. С-ча несостоявшимся, тогда же постановили ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о порученіи П. С-чу продолжать чтеніе лекцій. Это событіе было довольно тяжелымъ ударомъ для П. С-ча, но онъ нашелъ для себя утѣшеніе въ глубокой преданности волѣ Божіей. „Сейчасъ была баллотировка, писалъ онъ своему брату, и я Экс—профессоръ, пять голосовъ за избраніе, пять отрицательныхъ. Слѣдовательно выборъ не состоялся. Послѣ объявленія ре-

зультата я молча поклонился, оставилъ собраніе и зашелъ поблагодарить Преподобнаго Сергія за то, что устроилось по волѣ Божіей, а не по моей. Постѣ моего ухода стали разсуждать о замѣщеніи каѳедры и пришли къ тому результату, чтобы просить меня занять каѳедру съ профессорскимъ жалованьемъ, и такъ какъ деканомъ некого выбрать, то просить или Ректора или меня удержать въ этой должности. Въ виду временной нужды для улучшения содержанія я приму это предложеніе. Признаюсь, съ спокойнымъ духомъ выслушалъ я этотъ результатъ избранія. Такъ по волѣ Божіей заканчиваю я свою трудовую ученую дѣятельность. О еслибы Господь не лишилъ малой хотя награды на Своемъ судѣ. Не устояли дѣла мои на судѣ человѣческомъ; устоятъ ли на судѣ Божіемъ? Или Господь призываетъ меня отъ суеты ученой обратиться къ единому на потребу? Червь честолюбія постоянно сопутствуетъ всѣмъ ученымъ трудамъ и подтачиваетъ цѣну ихъ на неліцепріятномъ судѣ. И мнѣ мечталось, что я сдѣлалъ не мало для науки, но какъ сонъ разлетается это обольщеніе. Буду внимать глаголу Божію и Его призванію“.

Глубокое религіозное чувство располагало П. С-ча видѣть въ печальномъ исходѣ своей баллотировки призваніе Божіе и находить для себя уроки назиданія, но обстоятельства этого дѣла заставляли видѣть въ немъ людскую несправедливость. Мы не будемъ касаться обстоятельствъ этого дѣла, какъ возникшаго на почвѣ преимущественно личныхъ отношеній, интереснаго для характеристики лицъ, но въ исторіи академіи имѣющаго значеніе такой подробности, которая можетъ быть опущена ¹⁾. П. С-чъ былъ утѣшенъ въ своей скорби сочувствіемъ многихъ знавшихъ его ученыхъ не академическаго міра и въ особенности тѣмъ сочувствіемъ, какое выразила ему академическая молодежь и его репутація какъ ученаго не пострадала отъ его удаленія изъ академіи. Но это печальное обстоятельство въ его академической жизни, осложнившееся пріобрѣтшимъ очень печальную извѣстность дѣломъ объ его докторской диссер-

¹⁾ Свѣдѣнія и сужденія объ этомъ дѣлѣ одного изъ современниковъ можно найти въ книгѣ П. Горскаго-Платонова: Голосъ стараго профессора.

тации, причинило глубокую скорбь, но безъ всякаго утѣшенія, тому, кто былъ душою академіи и ея украшеніемъ— А. В. Горскому.

Въ исторіи Московскоіи духовноіи академіи имя П. С-ча неразрывно связано съ именемъ его сослуживца и друга А. В. Горскаго. П. С-чъ познакомился съ Александромъ Васильевичемъ, когда онъ былъ студентомъ академіи. Съ поступленіемъ П. С-ча на академическую службу установился тѣсный дружескій союзъ его съ А. Васильевичемъ. Прекрасно охарактеризовалъ этотъ дружескій союзъ двухъ академическихъ ученыхъ профессоръ о. Алексій Лавровъ въ словѣ, произнесенномъ при погребеніи П. С-ча. „Младшій другъ (П. С-чъ) во всемъ беретъ примѣръ со старшаго, все дѣлаетъ съ его совѣта; у нихъ даже общіе ученые вкусы; что любитъ одинъ, тоже любитъ и другой, одинаковой трудъ, сродные и часто одни и тѣже предметы занятій, даже количество времени отдаваемого ими на преподаваніе у обоихъ друзей равное и большее сравнительно съ другими. Это два ученые аскета, для науки отрeksiеся отъ всѣхъ радостей, даже самыхъ чистыхъ и благословенныхъ, отрeksiеся однажды, но навсегда, и уже не зрѣвшіе вспять. Жизнь для науки, жизнь для званія, жизнь для труда въ пріобрѣтеніи званія, жизнь для передачи ихъ званія другимъ учащимся поколѣніямъ,—вотъ ихъ жизнь высокая, жизнь самоотверженная, жизнь не для многихъ досягаемая“.

Сохранились у насъ письма А. В. Горскаго къ П. С-чу, писанныя съ 1856 года по 1874 г. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, какъ имѣющія значеніе для характеристикъ взаимныхъ отношеній двухъ академическихъ ученыхъ и тѣхъ интересовъ, которые ихъ объединяли.

„1856 г. Усердно благодарю тебя за письмо, въ которомъ ты далъ вѣсть о себѣ, взялся и я за перо, чтобы отвѣчать тебѣ, но не тѣми любопытными новостями, которыя ты открываешь среди вѣковой древности ¹⁾, а краткимъ обыкновеннымъ размѣномъ свѣдѣній о житьѣ-бытьѣ, о здоровьи, о погодѣ. Наличный составъ нашъ на прошедшей недѣлѣ выполненъ возвращеніемъ съ ревизіи о. инспектора ²⁾ и Ди-

¹⁾ Въ это время П. С-чъ гостилъ въ Новгородѣ у своего брата пресвящ. Платона, бывшаго въ то время викаріемъ Новгородскимъ.

²⁾ Инспекторомъ былъ Сергій Ляпидевскій.

митрія Григорьевича ¹⁾). Впрочемъ Тульскій ревизоръ пріѣхалъ пол-больной; гдѣ-то, среди жаровъ, удалось ему схватить ревматизмъ. Около 20 числа уѣзжали отсюда въ Москву и о. ректоръ и Петръ Спиридоновичъ ²⁾, но и тѣ возвратились. Петръ Спиридоновичъ ѣздилъ для проповѣди, которую однакожь не удалось ему произнести, а ректоръ для присмотра за квартирой, которая готовится въ монастырѣ для пріѣзжаго гостя. Теперь очередь намъ ѣхать въ Москву. Покончимъ здѣшнія дѣла и маршъ! Впрочемъ я не на долго. Никакихъ церемоній дожидаться я не намѣренъ.

Уже начинаютъ показываться въ Лавру собирающіеся въ Москву участники коронаціи. Третьяго дня пріѣхалъ сюда преосвящ. Полоцкій Василиій, служилъ здѣсь въ воскресенье и отъ нечего дѣлать въ Москвѣ провелъ здѣсь и понедѣльникъ. Старецъ живой и словоохотливый.

Въ двухъ случаяхъ я дѣйствовалъ за тебя по цензурному комитету въ качествѣ возбудителя и ходатая. Въ первый разъ по письму Андрея Николаевича, которое было за отсутствіемъ твоимъ адресовано на мое имя. Это все по изданію французской его полемики противъ католицизма. Во второй по случаю присланной отъ Филиппова просьбы о процензорованіи проповѣди Сидонскаго на погребеніе Кирѣевскаго. Обѣ хлопоты, благодаря снисходительности нашихъ цензоровъ, удалось окончить скоро и успѣшно. Третье дѣло, чрезъ меня же перешедшее въ вашъ комитетъ, навѣрно дождется тебя лично: это нѣмецкія проповѣди.

Наше лѣто совершенно испортилось. И холодно и сыро. Не узнаемъ іюля. Въ Москвѣ тридцатаго скончался И. Ефим. Свѣтовидовъ. Ты знаешь его крѣпкое здоровье. Но дня съ три пренебрегаемая имъ болѣзнь, которая однакожь шутитъ собою не позволяеть, свела его во гробъ. Впрочемъ въ Москвѣ не находятъ этой болѣзни въ видѣ эпидеміи. Петръ Спиридоновичъ былъ еще въ Москвѣ. Иванъ Ефимовичъ посѣтилъ его въ пятницу въ домѣ Ивана Ѳедоровича Загорскаго и звалъ въ воскресенье къ себѣ обѣдать. А въ субботу утромъ въ 8 часовъ онъ уже оставилъ все земное, успѣвъ только исповѣдаться и приобщиться.

¹⁾ Профессоръ Димитрій Григорьевичъ Левитскій.

²⁾ Профессоръ П. С. Делицынъ.

Переходя на другую осьмушку переселяюсь въ вашу область. Прошу засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе преосвящен. Платону и сказать ему отъ о. инспектора нашего, что нынѣ же посылается къ нему посылка.

Очень радъ, что у тебя есть такой благонадежный руководитель для знакомства съ древностями Новгородскими, какъ о. Макарій. Прошу тебя, поклонись ему отъ меня усердно. Прошу также быть повнимательнѣе къ его урокамъ, чтобы по болѣе сообщить и намъ.

Если удастся тебѣ видѣться еще разъ съ моимъ старымъ товарищемъ Андреемъ Ивановичемъ Смѣловскимъ ¹⁾, прошу и ему поклониться. Равно если увидишь Измаила Ивановича Срезневскаго. Вотъ тебѣ, мой добрый другъ, сколько порученій. А главное запасайся впечатлѣніями. Прости же, мой добрый П. Симоновичъ, будь здоровъ“.

²⁾ „Здравствуй, мой добрый, хворый, расслабленный и укрѣпляющійся, Петръ Симоновичъ! Скорѣй, скорѣй обновляйся и духомъ и тѣломъ. Христовой церкви нужны работники, и разумѣется крѣпкіе, а не хилые.

На дняхъ прочиталъ я статьи (твоя, узналъ и не одинъ я, безъ подписи) въ православномъ Обзорѣніи. Конечно видѣлъ ее и ты прошипованную замѣчаніями редактора. Не знаю, что будутъ дѣлать съ нашею цензурою; для насъ она была не тяжела. Но правильна ли, нормальна ли была наша книжная дѣятельность? А при маломъ ея расширеніи за предѣлы, установленные грамматикою, риторикою и катихизисомъ, сейчасъ угрожало возвращеніе въ надлежащія границы. И въ этомъ было много добраго: но все ли? Какъ сдѣлать, чтобы достигалось болѣе добра?—На досугъ сочиняю проэскты. Нынѣ время проэсктовъ.

Вчера былъ мой экзамень (твой давно прошелъ). Владыка не былъ. Сегодня экзамень у бакалавровъ моихъ. Владыка обѣщался пріѣхать изъ скита. Увы! О. Ѳеодоръ ³⁾ не удержался. Получилъ изъ Синода запрещеніе печатать толкованіе Апокалипсиса за исключеніемъ первыхъ трехъ главъ, послалъ какое то объясненіе на приговоръ, и—просьбу о сло-

¹⁾ Профессоръ М. Д. Академіи.

²⁾ Безъ обозначенія года, но по содержанію видно, что писано во время пребыванія П. С-ча въ Самарѣ въ 1862 г.

³⁾ О. Ѳеодоръ Бухаревъ.

женіи съ него священнаго и монашескаго сана. Здѣсь стало это извѣстно только со вчерашняго дня, спустя недѣлю послѣ того какъ совершилось. Къ о. Петру своему совсѣмъ не ѣздилъ, хотя и поѣхалъ было изъ монастыря съ намѣреніемъ добратся до него. Кажется онъ мѣтитъ занять мѣсто въ какой нибудь редакціи журнальной, можетъ быть и жениться. Конечно не скоро дѣла эти двинутся; но при извѣстномъ упорствѣ Корчевскаго уроженца едва ли это можетъ окончиться благопріятнымъ образомъ.

Кланяется тебѣ мать Марія ¹⁾ и желаетъ отъ Господа помощи и укрѣпленія. На прошедшей недѣли отправилась она въ Спб. недѣли на двѣ, а потомъ общала опять быть здѣсь.

Наперекоръ газетнымъ пророкамъ у насъ дождливое время и это слава Богу не во вредъ полямъ и лугамъ здѣшнимъ. Болѣе не пишу теперь, мой другъ, къ тебѣ, потому что спѣшу на экзамень. Прости твой А. Г.

Академическіе тебѣ кланяются. Вчера былъ здѣсь графъ А. П. Толстой. Пріѣзжалъ какъ обыкновенно на часъ. Побывалъ въ соборѣ, у Владыки и уѣхалъ. Кажется, онъ ѣдетъ за границу.

Долго идутъ письма твои. Отъ 22 написанное получилъ здѣсь 10 іюня. Я скорѣе получалъ письма изъ Лондона.— Nicolas нашъ выѣзжаетъ оттуда въ Парижъ“ ²⁾.

Спасибо тебѣ, любезнѣйшій Петръ Симоновичъ, за то, что ты далъ о себѣ вѣсть. Послѣ телеграфической депеши, о которой далъ сюда знать Пр. Платонъ, мы долгое время ничего не знали о твоёмъ пребываніи въ Самарѣ. Да и теперешнее письмо твое не очень удовлетворительно разрѣшаетъ нашъ главный вопросъ, вопросъ о томъ, какую пользу доставило тебѣ Самарское леченіе. О многихъ дняхъ, протекшихъ послѣ послѣдняго письма моего въ Самару, не пишу: потому что вѣроятно о. инспекторъ все болѣе важное перескажетъ. А послѣ тѣхъ дней, или послѣ отъѣзда отсюда Владыки, наступило у насъ затишье. Пожалуй и писать не о чемъ.

Я занятъ теперь работами по своей библіотекѣ. Для имѣю-

¹⁾ Игуменія Костромскаго Богоявленскаго монастыря.

²⁾ Николай Александровичъ Сергіевскій, впоследствии попечитель Виленскаго учебнаго округа.

щихъ увеличиться нашихъ ученыхъ сокровищъ создаю новыя хранилища. Между тѣмъ провожу время и съ гостями. У меня гоститъ Капитонъ Ивановичъ. Сюда пріѣхаль для занятій старый нашъ знакомый М. И. Сухомлиновъ, который намѣренъ отыскать и тебя, мой другъ, въ Костромѣ. Чудная служба! Не даромъ деньги даютъ! Правду сказать, почему же профессорамъ не брать денегъ, когда сверхъ настоящаго еще отъ министра народнаго просвѣщенія такое получаютъ щедрое жалованье. Прости мой другъ. Твой А. Г.

1862 г. Благодарю тебя, любезнѣйшій другъ, что не оставилъ ты меня своими извѣстіями. Порученіе твое о. эконому я передалъ, и онъ обѣщаль исправить все какъ слѣдуетъ.

Никакого запроса въ здѣшней Академіи о преобразованіи цензурнаго устава отъ Оберъ-прокурора безъ тебя не получено. Но здѣсь слышно было только отъ Иванцова, что въ этомъ родѣ предложеніе дано было конференціи Спб. Академіи и тамъ для разсмотрѣнія этого вопроса составили комитетъ преимущественно изъ членовъ опытно знакомыхъ съ дѣлами цензурными.

Поздравляю Костромскую Консисторію съ отличіемъ. Да будутъ ею столько же довольны подчиненные, сколько высшее начальство. Тогда прославится она не только на землѣ, но и на небесахъ.

Посадъ начинаетъ уже предвкушать удовольствіе скорой ѣзды. Вотъ уже раза три пріѣзжали сюда изъ Москвы по желѣзной дорогѣ и забирали отсюда желающихъ прокатиться, хоть и не очень комфортабельно въ вагонахъ съ дровами. Но не ожидая совершеннаго открытія этой дороги, думаю я послѣ Преображенія не надолго съѣздить въ Москву. Есть здѣсь слухи, будто Государь будетъ здѣсь около Успеняго дня и изъ Москвы съѣздить къ Троицѣ со скорымъ поѣздомъ въ $\frac{3}{4}$ часа. Изъ Москвы пришли вѣсти, что о. ректоръ уже возвратился туда съ ревизіи. А о вашемъ ревизорѣ ничего не знаетъ. Старецъ нашъ Петръ Спиридоновичъ пользуется минеральными водами, слава Богу сталъ чувствовать себя гораздо лучше. Смотритъ гораздо бодрѣе прежняго.

М. И. Сухомлинова нѣтъ уже здѣсь. Если онъ не у васъ, то на пути къ вамъ. Доколѣ только. Прости, мой другъ. укрѣпляйся и воздухомъ и кумысомъ Костромскимъ. Здѣсь

ничего нѣтъ кромѣ воды и воды. Душевно преданный тебѣ А. Г.

1862 г. Мая 16. Благодарю тебя, мой добрый другъ, за вѣсть изъ Москвы. Ищу тебя въ твоей Виѣздѣ и желаю, чтобы подавшій исцѣленіе 38-ми лѣтнему разслабленному, врачевалъ и твой 38 лѣтній недугъ. Наша ровная жизнь не испытала въ отсутствіе твое никакой перемѣны. Владыка говорятъ, въ Коломнѣ и пробудеть тамъ до Вознесенія; къ намъ можетъ пріѣхать не ранѣе, какъ послѣ дня св. Алексія. Тогда м. б. и у насъ все пойдетъ поживѣе.

Только 11-е мая ознаменовалось въ обители нашей праздникомъ необычайнымъ. По вызову Московскихъ газетъ отецъ намѣстникъ сочинилъ молебенъ Св. Кириллу и Меодію на память 1000 лѣтняго существованія введенной имъ азбуки славянской и перевода св. Писанія. Послѣ обѣдни было молебствіе въ соборѣ; къ этому молебствію приглашены были и академическіе, хотя не многіе. Намѣстникъ воспользовался канонами св. Гурію и Варсанофію Просвѣтителемъ Казанскимъ, замѣнивъ имена ихъ именами Просвѣтителей и Апостоловъ славянскаго міра. Это можетъ показаться страннымъ, но, для невѣдавшихъ дѣла, не многое казалось страннымъ и не подходящимъ.

Вчера былъ здѣсь молодой графъ Путятинъ въ сопровожденіи А. Ѳ. Кирьякова и своего ментора англичанина, чтобы познакомиться съ Лаврою. Но несносная сѣрая и холодная погода и неблагоприятное стеченіе обстоятельствъ не дали возможности заняться съ посѣтителями. Наконецъ мы получили назначенную Владыкою на бібліотеку сумму и завтра собираемся молеbstвовать о здравіи жертвователя.

Лучше ли погода у васъ? У насъ вчера едва была не снѣжная мятель. Да и теперь время стоитъ холодное. Какъ тебѣ приступить къ леченію? Московскіе больные плохо вылечиваются. Пр. Викарій все еще страдаетъ лихорадкою.

О Переяславскомъ старцѣ слышалъ я тоже, что писалъ и ты въ письмѣ и та мѣра, на которую мнѣ указываешь, представляется мнѣ полезно въ такихъ обстоятельствахъ. Мнѣ кажется, если бы о. Теодору дали гдѣ нибудь монастырь въ управленіе, это дало бы занятіе душѣ его другое, не все писательское и улучшило бы средства его содержанія и отвлекло бы отъ не полезныхъ знакомствъ. Только нужно,

чтобы онъ перемѣнилъ мѣсто: въ этомъ я совершенно согласенъ съ твоимъ предположеніемъ. Богъ дастъ, когда будутъ здѣсь святители, не удастся ли когда-нибудь объяснить.

Въ концѣ мая или началѣ іюня возвращается чрезъ Москву Пр. Димитрій, говорятъ, будетъ и здѣсь проѣздомъ до Ростова. А Григорій уже проѣхалъ чрезъ Москву. Прости, мой другъ. Старецъ нашъ Петръ Спиридоновичъ что то не чувствуетъ уменьшенія своей болѣзни, хотя и бродитъ не только дома, но и въ садъ для прогулки. Михаилу Ивановичу увольненіе получено изъ Петербурга ¹⁾. Скоро онъ уже не нашъ болѣе. Еще разъ прости. Господь да хранить тебя, да укрѣпить тебя, да исцѣлитъ тебя. Твой Г.

1864 года. 30 мая. Спасибо, любезнѣйшій мой П. Симоновичъ, за письмо твое о себѣ. Оно доставило всѣмъ намъ *большое утѣшеніе*, да и Московскіе имъ *попользовались*. Вчера здѣсь былъ Михаилъ Симоновичъ ²⁾ по дѣлу до Владыки касающемуся (кажется о племянницѣ, о которой и ты просилъ Святителя) и онъ изъ твоего письма узналъ о твоёмъ здоровьѣ, за которое опасался. Желалъ тебѣ теперь пользоваться и сколько можно болѣе извлечь пользы отъ твоего лекарства. Письмо твое дошло до насъ чрезъ 10 дней. Не знаю, дошло ли до тебя мое письмо, посланное, кажется, послѣ половины мая на имя протоіерея Ивана Егорыча.

Продолжая рядъ сообщенныхъ тамъ извѣстій, сегодня буду писать тебѣ о разныхъ мелочахъ. Не взыщи, мой другъ, крупныхъ капитальныхъ извѣстій не имѣется. Однако слово капитальный напомнило мнѣ вещь именно капитальную. Владыка на представленіи о составѣ новаго курса и о недостаточности средствъ къ содержанію полного курса студентовъ написалъ, что онъ жертвуетъ изъ суммъ, сбереженныхъ при каедрѣ Московской, на этотъ предметъ около 4000 р. на годъ, въ теченіе слѣдующаго двухлѣтія.

Праздникъ мы праздновали почти одни. Изъ Московскихъ никого почти не было: ни дворянъ, ни купцовъ. Говорятъ, что всѣ откладываютъ поѣздку до открытія желѣзной дороги.

Въ день пріѣзда сюда Владыки былъ здѣсь преосвящ. Димитрій,—на обратномъ пути изъ Ростова. Отъ него слы-

¹⁾ Баккалавръ Михаилъ Ивановичъ Сабуровъ.

²⁾ Боголюбскій.

шаль подтвержденіе, что проектъ преобразованія духовныхъ училищъ, имъ составленный, печатается и будетъ разосланъ для обсужденія. Не маловажное значеніе въ этомъ проектѣ должно имѣть новое, собственно учебное и ученое значеніе центральнаго управленія духовныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ. Приѣхаль въ Москву преосвящ. Антоній. На свое новое назначеніе смотритъ онъ съ глубокою скорбію и жаловался Владыкѣ со слезами. Владыка утѣшалъ его такими словами: я радъ былъ бы по нынѣшнему положенію дѣль, если бы меня отставили. А самъ боюсь взять на себя дѣло просить объ отставкѣ.

Здѣсь живетъ теперъ мать Марія. Не знаю впрочемъ, не соберется ли она съѣздить въ Сиб., куда зовутъ ея какія то родственныя дѣла.

Михаилъ Ивановичъ вступилъ въ законный бракъ и наши гости, позѣвавшіе у него на свадьбѣ, вчера возвратились изъ Москвы.

Графъ Пугачинъ еще проситъ себѣ у Владыки наставника для своихъ дѣтей въ отъѣздъ за границу. Но кажется Владыка не расположенъ удовлетворять такія просьбы на счетъ духовно-учебныхъ капиталовъ и въ пользу частной службы предъ общественною. Вотъ тебѣ, другъ мой, куча мелочей. Если бы подвернулось и еще что подъ перо, готовъ бы написать, да не знаю что.

Да! самое важное вотъ что: преосвящ. Димитрій сказывалъ, что о. Теодору, живущему въ Переяславлѣ, въ Синодѣ дали монастырь Муромскій для управленія. Даѣ Богъ, чтобы съ этимъ кончились всѣ тревожные слухи! Но будетъ на сей разъ. Если выпадетъ свободное время и найдутся добрыя вѣсти, то обѣщаюсь написать и не дожидаясь срока. Прости, мой другъ. Напиши о своемъ леченіи, какъ оно будетъ дѣйствовать на тебя.

1) Мудрено ли, добрый мой совопросникъ, слышать особое сужденіе людей, которые насъ мало понимаютъ? Кто вѣсть яже въ челоуѣцѣ, точію духъ челоуѣка живущій въ немъ? Ради Господа надобно все нести терпѣливо. Но въ то же время самому должно быть осторожну. Господь заповѣдовалъ имѣть при чистотѣ и кротости голубиной—мудрость змія.

1) Безъ обозначенія года.

Дай Господь сохранить огонь любви Божественной въ сердцахъ. Повѣряя себѣ Вы, конечно, не найдете ничего дороже его, и тогда еще болѣе будете дорожить имъ. Любовь христіанина ко Христу есть любовь Христова въ насъ. Ибо откуда бы мы взяли такое сокровище? Такъ надобно хранить его: но и какъ съ сокровищемъ обращаться. Впрочемъ, мой любезнѣйшій Петръ Симоновичъ, я не учитель въ этомъ дѣлѣ. Подобаеть вѣдущихъ спросить. Если и Господь даетъ что видѣть: и мнѣ, или даетъ и ревность сказать; то не скорбите. Отъ кого не услышите доброе, на пользу душъ,—принимайте въ Господь. Святые подвижники и у блудницъ учились. Простите ради Господа. Вашъ Г.

1869 г. Простите, любезнѣйшій Петръ Симоновичъ, что вчера не далъ Вамъ отвѣта на радушное ваше предложеніе и на сообщеніе вѣстей пріятныхъ и не пріятныхъ. Въ ту пору были у меня посторонніе люди и другія тревоги.

Благодарю Васъ за предложеніе пріобрѣсти нѣсколько экземпляровъ книги о Подражаніи Христу. Посылаю Вамъ для этого 3 р., хотя для себя имѣю уже экземпляръ новаго перевода, но радъ имѣть и болѣе. Если у Васъ найдется столько свободныхъ книжекъ, сколько можно дать на посылаемую сумму, то дайте.

На дняхъ я получилъ отъ Владыки проэктъ его миссіонерскаго общества. Не угодно ли взглянуть? Мнѣ представляется слишкомъ униженнымъ его значеніе. Иное дѣло когда онъ былъ въ рукахъ не преподобныхъ. Но когда онъ въ рукахъ высшей іерархіи, то не достойно ему быть только сборщикомъ подаяній, тѣмъ болѣе, что у насъ другаго дирижирующаго этимъ дѣломъ органа правительственнаго нѣтъ.

1) Не о вмѣшательствѣ въ управленіе миссіями хлопочу я, а о томъ, чтобы общество миссіонерское было дѣйствительно миссіонерскимъ. Такимъ оно будетъ, когда оно будетъ готовить, воспитывать, обучать миссіонеровъ. А иначе оно только казначейство, а не церковное общество. Къ чему будутъ епархіальные комитеты въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ нѣтъ миссій? Не проще ли дѣло вести чрезъ консисторію или канцелярію Архіерея, которія и могутъ препровождать

1) Это и слѣдующее письма безъ обозначенія года.

суммы, или давая знать о сборѣ. Много ли у насъ епархій, гдѣ будутъ дѣйствовать открытыя миссіи?

Апостолы посылали проповѣдниковъ, и сами наблюдали за ихъ дѣйствіями, а не отдѣльвались однимъ сборомъ денегъ. И деньги собирали не церкви Іерусалимской — въ пользу новообращенныхъ, а отъ новообращенныхъ въ пользу церкви Іерусалимской.

Поэтому все́мъ было бы прискорбно, если бы святое учрежденіе обратить только въ коммерческое предпріятіе. Если бы у насъ существовало образовательное училище для миссіонеровъ, я бы не сталъ говорить. Но когда его нѣтъ, нѣтъ ни въ одной епархіи, гдѣ требуются миссіонеры, то это, мнѣ кажется, важный пропускъ, который надлежало миссіонерскому обществу восполнить. Иностранныя миссіонерскія общества болѣе объ этомъ заботятся. Простите.

„Усерднѣйше благодарю за добрыя мысли поданныя мнѣ для полемики. Въ моихъ замѣчаніяхъ преслѣдуется только то, что встрѣчается въ разсматриваемой статьѣ. Я хотя прочиталъ прочія, но не забѣгаю впередъ.

Что муропомазаніе есть усвоеніе всякимъ христіаниномъ правъ духовнаго священства, — по указанію Откровенія, — этой мысли придерживаюсь и я. Но не простираю и до выводовъ въ пользу готовности каждаго къ исполненію обязанностей церковнаго священства. Нужно же, чтобы слова Апокалипсиса имѣли свой смыслъ.

Мысль, что въ понятіе церкви должны входить, по мнѣнію Хомякова, и не обращенные — не представляется мнѣ при чтеніи статей Хомяковскихъ, и не знаю дѣйствительно ли она ему принадлежитъ. Подъ невидимую церковію, какъ мнѣ думается, разумѣть онъ церковь небесную, изъ ангеловъ и челоуѣковъ состоящую.

Противъ причисленія Ангеловъ къ единой церкви Христовой—я отнюдь не спорю. Я спорю противъ фразы: „они (Ангелы) соединены въ одной благодати“.

Въ литургіи объ ангелахъ мы не молимся, и въ честь ихъ никакой части изъ просфоры не полагается, хотя одна изъ просфоръ и называется девятичивною.

Еще разъ благодарю за искреннія указанія. Не въ томъ любовь и братство, чтобы на да отвѣчать да, на ни — ни. Вашъ Г.

1869 г. Января 3. Вы меня напутствуете, любезнѣйшій Петръ Симоновичъ, своимъ желаніемъ быть завтра на панихидѣ. Не понимаю я завтрашняго собранія Археологическаго Общества. Ивану Ѳedorову была честь въ томъ году, когда напечаталъ онъ Апостолъ въ Москвѣ. Теперь вспомнили, что онъ еще напечаталъ Евангеліе Учительное. Но 1) онъ еще ранѣе напечаталъ часословъ, и притомъ въ Москвѣ. 2) Онъ напечаталъ еще много книгъ послѣ Евангелія Учительнаго. Ужели все будетъ праздновать Археологическое Общество? Если стоитъ вспомнить, то развѣ печатаніе имъ Острожской библии: но до этого трехсотлѣтія еще далеко.

Не хочеть ли развѣ Археологическое Общество заглядить вину Москвы предъ этимъ несчастнымъ типографомъ, котораго Москва выгнала отъ себя, и который потомъ печаталъ свое Евангеліе Учительное въ Заблудовѣ?

Какъ бы то ни было на панихидѣ археологической я не буду, потому что собираюсь въ Москву послѣ праздника богоявленія.

Отвѣтъ на вопросъ А. Николаевича при семь прилагается.

Пр. Макарій чѣмъ же побуждается ѣхать въ Москву? Господь да будетъ съ Вами“.

Тѣсная дружба П. С-ча съ А. Васильевичемъ, основанная на общности интересовъ, душевныхъ расположеній и стремленій, поддерживалась еще и тѣмъ, что они имѣли много общихъ знакомыхъ. П. С-чъ имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ среди свѣтскихъ ученыхъ и со многими изъ нихъ познакомилъ и своего друга. И. И. Срезневскій по кончинѣ А. Васильевича писалъ П. С-чу: „Отъ Васъ первыхъ, чуть не за 20 лѣтъ передъ этимъ, еще до личнаго моего знакомства, я слышалъ задушевное слово о его достоинствахъ нравственныхъ и научныхъ. Вы были и первымъ проводникомъ сближенія моего съ нимъ“.

Дружба П. С-ча съ А. Васильевичемъ стала не такъ тѣсна, когда А. В. сталъ ректоромъ академіи. „Съ ректорствомъ кончилась моя особенная близость къ А. В-чу, писалъ П. С-чъ. Я самъ удалился отъ него, чтобы не говорили, что я управляю академіей. Потомъ люди, которые не желали моего вліянія на академію, старались предубѣдить его противъ меня“. П. С-чъ глубоко уважалъ и цѣнилъ

А. Васильевича какъ ученаго, любилъ его какъ человѣка, но не находилъ въ немъ такихъ качествъ, которыя желалъ бы видѣть въ немъ какъ администраторѣ. Пылкому, нервно-торопливому П. С-чу не правилась мнительная нерѣшительность, медленность въ веденіи дѣлъ, происходившая у А. Васильевича главнымъ образомъ отъ стремленія дѣлать все самому.

„Во всей Россіи нѣтъ человѣка по познаніямъ, по уму, по добрымъ качествамъ, по ревности къ дѣлу, по примѣрной жизни, по добротѣ сердца достойнѣйшаго быть ректоромъ академіи, писалъ П. С-чъ, а между тѣмъ на дѣлѣ это малоспособный ректоръ. Какъ начальникъ, который хочетъ все знать и вездѣ дѣйствовать самъ, парализуетъ дѣятельность тѣхъ, которые могли быть дѣйствовать. И онъ самъ мученикъ своихъ обязанностей. Онъ страдаетъ отъ того, что дѣло иногда дѣлается плохо“.

Сильному испытанію дружба П. С-ча съ Александромъ Васильевичемъ подверглась въ печальные для П. С-ча 1872 и 1873 годы, когда послѣдовало его забаллотированіе и возникло дѣло о его докторской диссертациі. Печальный исходъ совѣтской баллотировки заставилъ П. С-ча подозрѣвать А. Васильевича въ неискренности и недостаткѣ расположенія, но несправедливо, въ чемъ убѣдился и самъ П. С-чъ и убѣждаютъ насъ письма къ нему А. Васильевича, писанныя за это время.

„Горестное событіе, писалъ А. В-чъ 28 Сентября 1872 г., вчера въ кругу нашемъ совершившееся, скоро удалило Вася изъ собранія. Но, по удаленіи Вашемъ отъ насъ, въ Совѣтѣ положено было пригласить Вася, за неимѣніемъ въ виду готоваго наставника, къ продолженію занятій Вашихъ по кафедрѣ, соотвѣтственно уставу, на слѣдующія полгода. Что Вы на это скажете, любезнѣйшій Петръ Симоновичъ? Достанетъ ли Вашего великодушія, чтобы любовью къ труду, къ дѣлу образованія, побороть въ себѣ чувство личнаго огорченія? Равенство положительныхъ и отрицательныхъ голосовъ Вамъ показываетъ, что у Вася не болѣе неблагопріятствующихъ, чѣмъ благопріятствующихъ сотрудниковъ. Не дайте одержать верхъ первымъ надъ послѣдними.“

Душевно Вамъ преданный Р. Протоіерей А. Горскій“.

„Душевно благодарю Вася, любезнѣйшій Петръ Симоно-

вичъ, писалъ въ тотъ же день другое письмо А. Васильевичъ, за то, что утѣшили насъ Вашимъ согласіемъ нести еще съ нами бремя трудовъ.

Недоговоренное въ предположеніи совѣтскомъ относительно пенсіи, конечно, не встрѣтитъ никакого прекословія, по возобновленіи въ Совѣтѣ вопроса о Вашей службѣ, и будетъ доложено. А что касается до времени возобновленія Вашихъ классныхъ трудовъ, то они, по моему мнѣнію, не должны бы прерываться впредь до Вашего увольненія св. Синодомъ, если бы Вы даже не пожелали продолжать службу. Ибо совѣтъ самъ собою ни опредѣляетъ, ни увольняетъ профессоровъ отъ службы.

Вознагражденіе за продолжающіеся труды, конечно, должно быть тоже, какимъ пользовались Вы прежде. И въ этомъ въ опредѣленіи Совѣта будетъ сдѣлано прямое постановленіе.

Мира о Господѣ и обиліе любви прощающей желаю душѣ Вашей. Душевно Вамъ преданный Р. Пр. А. Горекій.

„Исторія несчастнаго дѣла Вашего все еще для меня темна; не знаю, какъ сложился такой неожиданный результатъ. Не могу теперь входить въ разборъ его, потому что не имѣю свободы, да и ничего не надѣюсь сказать Вамъ неизвѣстнаго. Только съ крайнимъ сожалѣніемъ смотрю на случившееся, и за Васъ, и за Академію“.

Удаленіе П. С-ча изъ академіи оставило его при такой скудной пенсіи, которая не обезпечивала безбѣднаго существованія. При разсмотрѣніи дѣла П. С-ча въ Петербургѣ нѣкоторые члены духовно-учебнаго комитета настаивали на томъ, чтобы оставить П. С-ча профессоромъ до 15 Августа, а потомъ подвергнуть новому баллотированію. Предложеніе это не было принято, но склонились къ такой мысли, что если въ теченіе полугода не выберутъ ему преемника въ академіи, то утвердить его профессоромъ по представленію митрополита Московскаго. Нужно было, согласно требованію академическаго устава, чтобы къ этому времени П. С-чъ получилъ степень доктора. Еще до своего забаллотированія, въ Мартѣ 1872 года П. С-чъ представилъ въ качествѣ докторской диссертациі свое давнее сочиненіе „Исторія православнаго монашества въ Египтѣ съ новыми дополнительными статьями: 1) Объ источникахъ для исторіи монаше-

ства египетскаго въ IV и V вѣкахъ и 2) Общій очеркъ жизни монаховъ египетскихъ въ эти вѣка. Новыя изслѣдованія П. С-ча оказались въ нѣкоторомъ противорѣчii съ его прежнимъ сочиненiемъ, но П. С-чъ надѣялся, что ученая критика снисходительно отнесется къ такимъ, часто неизбѣжнымъ въ научныхъ работахъ разногласiямъ и при рѣшенii вопроса о присужденii ему степени доктора приметъ во вниманiе и другiе его ученые труды. При приготовленii докторской диссертации П. С-чъ пользовался ученымъ содѣйствиемъ А. Васильевича. А. Васильевичъ внимательно просматривалъ представляемые ему П. С-чемъ новыя его статьи по исторii монашества и не оставлялъ ихъ безъ своихъ критическихъ замѣчанiй. Сохранились, писанныя на двухъ почтовыхъ листахъ, очень интересныя и имѣющiя значенiе для характеристики научныхъ воззрѣнiй А. Васильевича замѣчанiя его на статью П. С-ча: Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ въ IV и V вѣкахъ. Приведемъ эти замѣчанiя.

1) Предшествующая картина греко-римскаго мiра начинается со времени республики и оканчивается временами Златоустаго. Здѣсь сказано объ аристократизмѣ извѣстныхъ фамилiй, о деспотизмѣ власти отеческой, о недостаткахъ христіанскаго воспитанiя юношества. И все это заключается словами: „надъ этимъ то чисто языческимъ строемъ жизни поднято было знамя христіанства императорами“, и т. д. „Ревнующимъ объ осуществленii христіанства въ жизни естественно могло показаться, что не имперiя сдѣлалась христіанскою, а христіанство низводится до язычества“. Какiя же доказательства на то? а) Константинъ удерживаетъ титулъ Pontifex maximus; б) Константинъ вмѣшивается въ дѣла церкви.—Какъ бы насъ не обвинила и церковь и наука за то, что мы утверждаемъ, будто Константинъ низвелъ христіанство до язычества.

Во первыхъ картина мiра греко-римскаго начертана такъ неопредѣленно, что не знаемъ, къ какому времени ее отнести. Какъ будто она относится ко временамъ до Константина В., потому что сказано: „надъ этимъ то строемъ жизни чисто языческимъ поднято“.... Значитъ до этой поры стояло надъ нимъ знамя язычества? Но по указанiямъ на Иеронима и Златоуста видно, что говорится уже объ имперii со вре-

мени Константина. Въ такомъ случаѣ какъ понять: надъ этимъ то строимъ жизни чисто языческимъ поднято....

Если эта картина должна изображать намъ міръ до Константина В., слѣдовательно еще языческой, то надобно думать, что язычество не однимъ только аристократизмомъ, деспотизмомъ отцевъ и недостаткомъ воспитанія страдали. Картина была бы вѣрнѣе, если бы прибавлено было побольше красокъ, побольше выдающихся позорныхъ сюжетовъ. И въ такомъ случаѣ нельзя было бы сказать, что все это уцѣлѣло въ теченіи всего времени отъ Константина В. до Златоустаго. И тогда невѣрно оказалось бы замѣчаніе, что Константинъ ничего не сдѣлалъ для христіанства. Сравните настоящій міръ языческой, каковъ онъ былъ при императорахъ I—III в., и сравните съ нимъ IV в. И тогда скажите, одно ли это и тоже? Что касается до того, что Константинъ продолжалъ носить званіе Pontifex maximus, то нужно бы навести справки, продолжалъ ли первый христіанскій императоръ выполнять обязанности, соединенныя съ этимъ титуломъ, приносилъ ли онъ торжественныя жертвы и т. п.? Ученые увидѣли это названіе на медаляхъ,—и отсюда составили противъ Константина обвиненіе. Сильно ли это?

Участіе Константина въ дѣлахъ церкви опредѣлялось извѣстными границами: я, говорилъ онъ, *Επίσκοπος ἰῶν ἔξαι*: если Константинъ иногда отступалъ отъ этого предѣла, то по увлеченію партіей изъ среды самой церкви, а не вслѣдствіе титула Pontifex maximus. У язычниковъ понтифексы догматикую не занимались. Въ дѣла церкви вмѣшивались императоры и сложившіе съ себя званіе понтифекса. И церковь никогда не винила Константина за перемѣну отношеній къ ней Р. императора, но еще нашла возможнымъ наименовать его Равноапостольнымъ.

2) „Христіанство поставило Бога, семью, человѣческую личность выше отечества“.

Вмѣсто отечества, кажется, надлежало бы стоять государству, но не знаю, почему то это слово замѣнено другимъ. Какъ бы то ни было, но страннымъ можетъ показаться, что въ богословскомъ сочиненіи Богъ, семья, человѣческая личность ставятся въ уравненномъ отношеніи къ Отечеству или Государству. Первая заповѣдь Евангельская говоритъ: возлюбиши Господа Бога твоего. Вторая, *подобная* ей говоритъ

о любви къ ближнему. А третьей о человеческой личности нѣтъ въ Евангеліи. Притомъ, если и говорить о возвышеніи личности и семейства надъ государствомъ, то развѣ только надъ тогдашнимъ языческимъ государствомъ, а не вообще. Мы и теперь признаемъ, что ничья личность не выше государства нашего.

3) „Христіане жили внѣ государственныхъ вліяній“..... Кажется не точно. Не говоря о враждебномъ вліяніи государства при столкновеніяхъ съ требованіями религіозными, нельзя отрицать, чтобы власть государственная не простиралась вовсе на христіанъ въ другихъ отношеніяхъ. Общія законы имперіи и на нихъ простирались, и христіане не были отдѣляемы. Они не совсѣмъ были разобщены съ міромъ языческимъ. Еще Тертуліанъ писалъ язычникамъ, что у насъ съ вами все общее въ дѣлахъ житейскихъ.

4) „Теперь не находя въ государствѣ... рѣшились выразить свой протестъ“.....

При этомъ нужно бы имѣть въ виду, что такая рѣшимость образовалась, и если гдѣ могла казаться осуществившеюся, то развѣ только въ Египтѣ. Но, почему же именно здѣсь? развѣ Египтянъ особенно привлекали къ службѣ государственной? Развѣ шли въ пустыни все лица привлекаемые къ должности государственной?—Нѣтъ. Исторія говоритъ, что Египетъ болѣе другихъ провинцій пользовался выгодами самоуправленія и аристократическія фамиліи тамъ неизвѣстны. И для образованія юношества тамъ болѣе было способовъ, чѣмъ въ другихъ областяхъ имперіи. Какъ же при всемъ этомъ утверждать, что здѣсь всего сильнѣе долженъ былъ проявиться протестъ противъ порядковъ христіанской имперіи?

Далѣе. Кто свидѣтель такой рѣшимости основать свою общину? Какую то свою республику въ имперіи? Да и возможно ли противопоставлять другъ другу государство и монашество? Еще бы можно было подозрѣвать что либо подобное, когда бы гдѣ нибудь вышелъ весь народъ изъ городовъ имперіи, гдѣ господствуетъ смѣшеніе язычества съ христіанствомъ, и на новомъ мѣстѣ, въ новой странѣ основалъ свои поселенія (какъ какіе нибудь мормоны). Съ ихъ смертію все прекращается, и самый протестъ. Они этого не могли не знать, и потому не могли предпринимать такого

дѣла. Ихъ идеаль былъ не образовать какое нибудь новое, чисто христіанское государство; ихъ цѣли всегда будутъ требовать выдѣленія изъ среды общества, хотя бы и христіанскаго. Монастыри какъ и храмы, какъ училища—въ другой области, требуютъ особаго устава, особыхъ правъ, особыхъ правилъ.

5) „Основываютъ общества, которыхъ цѣль исключительно исполненіе обязанностей христіанина“.

Христіанство воплощается не въ одной только формѣ монашества. Монашество, по слову Спасителя, только для тѣхъ, кому дано вмѣстити. Назначеніе христіанства несравненно шире. И если Вы рѣшаетесь ниже привести нѣсколько примѣровъ, гдѣ великіе подвижники пустыни ставятся ниже простыхъ мірянъ, то непонятно, почему монашество называется учрежденіемъ исключительно для исполненія обязанностей христіанства установленнымъ? Обязанности христіанина относятся къ Богу и къ ближнему. Кажется, монашество болѣе имѣетъ въ виду первыя, чѣмъ послѣднія. Вы и сами на это указываете.

6) „Сюда сходились знатные и рабы“. Въ Египтѣ много ли было знатныхъ? Всѣ указываютъ только на Арсенія В.

7) Соборъ Гангрскій справедливѣе было бы защищать собственными его правилами, напр. 10 и др.

8) Какъ разсуждать о приводимыхъ здѣсь примѣрахъ? Ужели въ самомъ дѣлѣ Антоній В. при всѣхъ своихъ подвигахъ, продолжавшихся около 80 лѣтъ, былъ ниже какого то кожевника, Макарію В. двухъ женщинъ въ міру и т. д. ¹⁾? Если бы это было въ полномъ смыслѣ справедливо, то 1) нужно бы Антонія подозрѣвать въ недостаткѣ смиренія, Макарія—въ недостаткѣ миролюбія и т. д. Эти добродѣтели настолько важны, что безъ нихъ невозможно имѣть христіанскаго характера. 2) Если бы Антоній и Макарію въ самомъ дѣлѣ сознавали бы, что ихъ образъ жизни не доведетъ до совершенства, котораго достигаютъ міряне, то они, по

¹⁾ Антонію В. указано было, что онъ не достигъ совершенства кожевника въ Александріи, который, исполняя обязанности христіанина, считалъ себя хуже всѣхъ. Макарію В. было сказано, что онъ ниже по духовному совершенству двухъ женщинъ, бывшихъ въ замужествѣ за родными братьями. Эти женщины никогда не ссорились, молились, когда имѣли время.

искреннему стремленію къ совершенству, должны бы оставить пустыни. И такъ, нужно бы кажется поточнѣе опредѣлить смыслъ приведенныхъ указаній или примѣровъ.

9) Такъ ли это? Въ Александріи, не какъ въ другихъ городахъ, пресвитеры имѣли свои приходскія церкви, какъ это извѣстно изъ Епифанія. Откуда сзѣдѣнія о 12 пресвитерахъ?

10) Если указываете на египетскіе нравы въ объясненіе умноженія монашества въ Египтѣ, то, кажется, не нужно бы оставлять безъ вниманія а) извѣстное сближеніе Египтянъ съ мыслию о смерти б) общество Ѳерапевтовъ.

11) Гоненія на монашество въ Египтѣ со стороны правительства—начинаются не съ самаго появленія его. При Констанціи противъ нихъ открыто было преслѣдованіе по дѣлу православія—какъ и противъ іерархін. Тогда же страдали и священники. Да и Валентово гоненіе, по указаніямъ Василія, было не собственно противъ монашества.

12) „Не было добродѣтелей“...

А семейныя добродѣтели? И можетъ быть многіе изъ этихъ самыхъ отшельниковъ были бы очень дурными семьянинами, если бы остались въ міру,—хотя, нельзя отрицать, и имѣли другія высокія добродѣтели.

13) Евхиты не просто монахи, но еретики прикрывавшіеся монашествомъ.

14) Однако примѣчательно, что страна, столько богатая иноками, и столько имъ обязанная, скорѣе другихъ странъ сдѣлалась добычею сперва ереси, потомъ лжевѣрія. Видно христіанство пустынь не то, что христіанство городовъ.

15) Въ IV вѣкѣ уже существовало требованіе обѣтовъ отъ вступающихъ въ монашество. Не говоря уже о лицахъ женскаго пола. У Василія В. въ разныхъ его правилахъ и въ письмахъ говорится объ этомъ. Мнѣ кажется, при объясненіи причинъ умноженія монашества въ Египтѣ, упущено изъ вниманія развитіе духа мученичества въ послѣднее гоненіе. Монашество загорѣлось, кажется, отъ этого огня. При сужденіи о заслугахъ монашества въ Египтѣ нельзя не принять во вниманіе и того, что оно убило науку въ Египтѣ, да и въ другихъ мѣстахъ не очень ей благопріятствовало, сохраняя только прежнія ея приобрѣтенія. Или это неправда?“

Препроводивъ эти замѣчанія П. С-чу, А. Васильевичъ

писалъ ему въ письмѣ отъ 10 Февраля 1872 года: „Благодарю за вниманіе Ваше къ вопросамъ мною предложеннымъ. Они разширяютъ нѣсколько кругъ Вашихъ изслѣдованій, думается, не безъ пользы для дѣла.“

Говоря о просвѣщенныхъ трудахъ пастырей Грековъ въ пользу науки, не излишне было бы указать особенно на наставленіе Василія В. къ юношамъ, какъ имъ пользоваться языческою литературою. Притомъ мнѣ кажется, много сказано, что все время образованія въ языческихъ школахъ было напрасно потеряно. Хоть, можетъ быть, и самому Василію, въ минуту душевныхъ огорченій, среди непрестанной борьбы съ лжеучителями, могло казаться, что всё его школьные занятія ни къ чему не послужили. Но, на самомъ дѣлѣ, увидѣли ли бы мы въ немъ такого сильнаго ратоборца за истину, строгимъ логическимъ умомъ разрѣшающаго сплетенія лжи, если бы онъ не знакомъ съ еллинскимъ образованіемъ. Но простите“.

Докторское сочиненіе П. С-ча передано было для разсмотрѣнія въ церковно-историческое отдѣленіе Совѣта, но отзывъ объ его сочиненіи еще не былъ представленъ, когда въ Совѣтѣ произошло неожиданное забаллотированіе П. С-ча. Послѣ этого полученіе докторской степени для П. С-ча не имѣло уже значенія необходимой служебной обязанности, но онъ пожелалъ, чтобы дѣло съ диссертацией было доведено до конца. Рецензентъ, разсматривавшій сочиненіе П. С-ча, не призналъ его заслуживающимъ докторской степени и его отзывъ подписали трое членовъ историческаго отдѣленія, но двое членовъ этого отдѣленія представили особые отзывы, въ пользу сочиненія. Началась въ академіи борьба ученыхъ мнѣній, принявшая характеръ, не свойственный ученымъ спорамъ. Борьба эта причиняла глубокую скорбь А. Васильевичу. Отношеніе его къ дѣлу докторской диссертации П. С-ча, которое имѣло значеніе не въ жизни только заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ и близкаго ему лица, но и въ жизни близкой ему академіи, представляетъ глубокий интересъ. Въ этомъ сложномъ дѣлѣ, гдѣ научные интересы перепутались съ интересами и счетами личными, А. Васильевичъ обнаружилъ все величіе своего нравственнаго характера. Письма его къ П. С-чу по этому дѣлу могутъ имѣть цѣнное значеніе и для біографіи знаменитаго уче-

наго ректора академіи и мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

„Всею душею желать бы помочь Вашему дѣлу; но и то не знаю, чѣмъ кончится. До сихъ поръ слышаль и то, что отзывъ, составленный Л., неблагопріятенъ для дѣла и, кажется, главною причиною такого отзыва замѣченное и въ изложеніи и въ выводахъ различіе между прежними Вашими статьями и позднѣйшими, и нѣкоторое даже противорѣчіе. Но не видавъ самаго отзыва, не могу сказать, сколько серьезнаго въ замѣчаніяхъ такого рода.

Борьба ученыхъ мнѣній очень естественное дѣло въ вопросѣ объ ученомъ достоинствѣ книги. Но результатъ будетъ зависѣть во всякомъ случаѣ отъ большинства голосовъ. Достигнемъ ли этого большинства? Но какъ бы то ни было, любезнѣйшій Петръ Симоновичъ, я не отказываюсь отъ разбора мнѣнія, которое будетъ представлено отдѣленію. Думаю, Совѣтъ не откажетъ выслушать и *alteram partem*.

Мнѣ кажется, что помимо резоновъ, заключающихся въ самомъ дѣлѣ, Совѣтъ можетъ болѣе всего затруднять противорѣчіе между баллотировкою по службѣ и отзывомъ о диссертациі. Но увидимъ.

Благодарю Васъ за добрыя чувства Ваши въ отношеніи ко мнѣ. Да даруетъ Господь мнѣ сохранить ихъ въ той же силѣ навсегда. Вамъ душевно преданный А. Горскій 1 Окт. 1872 г.

„Вы мнѣ предлагаете такую мѣру, на которую не уполномочиваетъ меня уставъ и которая всему дѣлу придастъ видъ незаконности. Совѣтъ поручилъ разсмотрѣніе Вашей книги отдѣленію и оныя долженъ получить этотъ отзывъ изъ отдѣленія. Въ этомъ Совѣтѣ только я имѣю голосъ — я не деканъ отдѣленія. Мысль призвать всѣхъ членовъ отдѣленія къ подачѣ голоса—мнѣ кажется основательною. И если отдѣленіе представить свой отзывъ не съ полнымъ засвидѣтельствомъ, Совѣтъ имѣетъ право потребовать его и на этомъ можно настоять. Только напередъ нужно удостовѣриться въ томъ, что число голосовъ усилитъ положительное, а не отрицательное мнѣніе. Мнѣ уже говорятъ, что историческое отдѣленіе было оскорблено предложеніемъ, за некомпетентностію будто бы членовъ отдѣленія для обсуждения вопроса о достоинствѣ книги, передать его мнѣ, и что это

между прочимъ повліяло на неблагопріятное воззрѣніе рецензента. Нужно ли еще усиливать раздраженіе усиленнымъ нетерпѣливымъ требованіемъ и личнымъ вмѣшательствомъ.

Будьте увѣрены, любезнѣйшій Петръ Симоновичъ, что нисколько не отказываюсь говорить и дѣйствовать въ Вашу пользу, по собственному убѣжденію, но желаю провести это дѣло безъ нарушенія требуемыхъ формальностей. Извините, что замедлил отвѣтомъ. Время у меня слишкомъ разывается. Душевно преданный П. А. Горскій. 2 Окт. 1872 г.

„Не погнѣвайтесь, что не всё Ваши желанія исполняю. Вы прислали мнѣ вчера такой документъ, которымъ никакъ не могъ и не могу воспользоваться. Какое можетъ имѣть значеніе для Совѣта Ваша просьба ко мнѣ дать отзывъ о Вашей книгѣ? Съ какою совѣстію я рѣшился бы представить бумагу, написанную въ такомъ видѣ обо мнѣ. Будьте, сдѣлайте милость, похладнокровнѣе,

Вчера заведена была рѣчь о порученіи мнѣ дать свое мнѣніе о книгѣ—и отклонено. Отклонено не мною, но другими: но при этомъ высказали, что каждый членъ можетъ подавать свой голосъ. И хорошо. Этимъ, при помощи Божіей, постараюсь воспользоваться. Теперь сужденія рецензентовъ выяснились. Удобнѣе стало опредѣлить, на что нужно обратить вниманіе. Правду сказать, что еще ничего въ будущемъ обѣщать нельзя. Но думается, положеніе стало лучше. Простите. Душевно Вамъ преданный Пр. А. Г. 14 Сент. 1872 г.

„Е. Е. на вопросъ мой относительно Вашей степени, предложенный еще прежде Вашего письма, отвѣчалъ вчера: отзывъ мой о сочиненіи П. Симоновича должно понимать въ томъ смыслѣ, что я рѣшительнымъ образомъ высказываюсь въ пользу его докторства, хотя въ виду происшедшихъ обстоятельствъ и не совсѣмъ понимаю, на что ему докторство. 23 Ок. 1872 г.“

„Примите и отъ меня искреннее, братское поздравленіе со днемъ Вашего Ангела. Чѣмъ менѣе справедливы къ Вамъ оказываются люди, тѣмъ большимъ да воздастъ Вамъ утѣшеніемъ Господь — праведный всѣхъ Судія. Душевно Вамъ преданный Пр. А. Горскій 25 Ноября 1872 г.“

Дѣло о докторствѣ П. С-ча рѣшено было обширнымъ мнѣніемъ А. Васильевича о его докторскомъ сочиненіи. Это мнѣніе, читанное въ Совѣтѣ 25 Января 1873 года, составило

совѣтское большинство, постановившее допустить сочиненіе П. С-ча до публичной защиты ¹⁾. Днемъ диспута назначено было 27 Марта. Не задолго до этого дня А. Васильевичъ писалъ П. С-чу: „Господь да благословить Васъ, любезнѣйшій П. Симоновичъ, достигнуть желаемого конца.

Приглашеній почетныхъ членовъ доселѣ я не дѣлалъ, такъ какъ я самъ никогда отъ Университета не получалъ. Юрій Ѳедоровичъ пріѣзжалъ въ первый разъ по приглашенію О. Михаила, во второй по приглашенію Виктора Дмитріевича. М. П. Погодинъ пріѣхалъ самъ собою, вѣроятно, для засвидѣтельствванія благодарности за избраніе. Соловьева приглашали разъ на академическій праздникъ и актъ, и какъ онъ не пожаловалъ и отвѣта на приглашеніе не прислалъ, то послѣ этого приглашеній болѣе не дѣлали.

О томъ, кого приглашать, будетъ святая воля о. намѣстника. При митрополитахъ, кажется, были мы все члены Совѣта. Я къ себѣ приглашалъ только дѣйствовавшихъ на диспутъ лицъ. Увидѣвшись съ о. намѣстникомъ я переговорю и Вамъ сообщу.

Посылаю Вамъ для прочтенія № Современныхъ Извѣстій, гдѣ перечисляется рядъ докторскихъ диссертаций, будто бы не ожидающихъ добраго исхода частію отъ Св. Синода, частію еще прежде его суда. По прочтеніи мнѣ возвратите.

Возвращаю Вамъ и тетрадку Вашу.

Не совсѣмъ мнѣ показалось приличнымъ будить воспоминаніе грустной исторіи Вашихъ выборовъ на пятилѣтіе. Это какъ бы жалоба предъ публикою, жалоба, которая можетъ вызвать рѣшимость оправдать свой приговоръ и на диспутъ.... Если бы можно быть отъ всего этого подальше— было бы успокоительнѣе, и кажется, благонадежнѣе.

Первыя послѣ вступленія мысли о значеніи монашества, по краткости изложенія или почему другому, не совсѣмъ ясны. „Это направленіе монашества (заботиться только о своемъ спасеніи) вполне *согласно* съ сущностію христіанства“. Такъ ли это? Гдѣ же духъ общенія и любви, связующій церковь Христову?

¹⁾ Нѣкоторыми членами академическаго Совѣта (В. Д. Кудрявцевымъ и А. Ѳ. Лавровымъ) мнѣніе ректора было признано цѣлымъ *событіемъ*. Это мнѣніе было такимъ словомъ правды научной и нравственной, какое могъ сказать только одинъ А. Васильевичъ.

„И ученіе Евангелія обращено *исключительно* на улучшение отдѣльнаго человѣка“. Не безъ спора. Утверждаются законы семейства, общества и государства. „Чѣмъ человѣкъ будетъ совершеннѣе, тѣмъ совершеннѣе будетъ и все имъ созданное“. Какъ же пустынножитель Антоній будетъ вліять на государство? Это слишкомъ далекій путь. Ближе путь преобразованія общественныхъ и семейныхъ началъ, покуда они касаются нравственности.

Далѣе говорится о папѣ, объ іезуитахъ. Кажется, безъ прямого отношенія къ дѣлу. Вообще весь этотъ отдѣлъ, кажется, требуетъ Вашего пересмотра.

Сомнѣваюсь и въ томъ, въ правѣ ли Вы противоположное обычному изложенію исторіи направленіе характеризовать какъ направленіе со стороны только антирелигіозныхъ и безбожныхъ писателей. Конечно, найдутся и не одни такія личности въ этой категоріи.

Вы упоминаете, что довели свою исторію монашества въ Египтѣ до VIII вѣка. Кажется, правильнѣе сказать до начала VII вѣка, ибо со времени завоеванія Египта аравитянами уже прекращается рядъ свѣдѣній о немъ. Исторіи уже нѣтъ.

Простите за то, что пишу безъ оговорокъ. Желаю одного, чтобы все прошло благополучно.

Въ письмѣ отъ 23 Марта А. Васильевичъ писалъ: „Измучились Вы, любезнѣйшій Петръ Симоновичъ, ожиданіемъ и приготовленіемъ къ рѣшительному дню боя. Принимаю это глубоко къ сердцу, но не знаю чѣмъ Вамъ помочь въ пополненіе оружія Вашего противъ главнаго противника Вашего. Не знаю, будетъ ли онъ нападать на Васъ со стороны науки, или будетъ просто подѣскиваться надъ Вашею книгою. Въ научномъ отношеніи, кажется, не много было приобрѣтено здѣсь книгъ по церковной исторіи, особенно примѣчательныхъ, послѣ того какъ я перешелъ къ кафедрѣ исторической.

Что касается до моей оппозиціи, то, пожалуй, я не прочь воспроизвести возраженія о. Михаила, но безъ тетрадки его хорошо ихъ не помню. Съ своей стороны думаю побесѣдовать съ Вами о мѣстныхъ условіяхъ, благоприятствовавшихъ явленію монашества въ Египтѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ представляетъ его исторія и на которія недовольно у Васъ

обращено вниманія. Хотѣлось бы еще поговорить о возрѣ-
нїяхъ древнихъ иноковъ на ученость или вообще о вліяніи
монашества на успѣхи просвѣщенія, объ антропоморфистахъ...
Впрочемъ я еще не составилъ программы вопросовъ, кото-
рые, если угодно, не считаю грѣхомъ открыть.

Авва думаетъ пригласить всю нашу ученую корпора-
цію ¹⁾. Господь съ Вами да будетъ. Вамъ усердно-преданный
А. Г.“

Диспутъ 27 Марта не состоялся, о чемъ А. Васильевичъ
убѣдомилъ П. С-ча слѣдующимъ письмомъ:

„Диспутъ Вашъ не можетъ нынѣ состояться, потому что
четыре члена Совѣта по болѣзни отказались присутствовать
въ собраніи Совѣта, и слѣдовательно въ собраніи не мо-
жетъ быть двухъ третей членовъ, требуемыхъ § 95 устава.

Преосвященнымъ викаріямъ я уже телеграфировалъ вчера
въ 10 часовъ вечера, что по вышеизложенной причинѣ
диспутъ долженъ быть отложенъ. Правильнѣе устава нарушать
я не могу взять на себя.

Не полное число членовъ не будетъ имѣть никакого зна-
ченія. Простите. Вашъ усердно-преданный Р. Пр. А. Горскій“.

Послѣ этого случая, вызвавшаго особья распоряженія
вышей власти, А. Васильевичъ сталъ склонять П. С-ча къ
мысли отказаться отъ диспута.

„Вторичное избраніе Ваше на полугодъ, писалъ Александръ
Васильевичъ 30 Мая 1873 года, конечно нисколько не бу-
детъ зависѣть отъ докторства. И по мнѣ, это избраніе го-
раздо важнѣе для Васъ въ настоящее время, чѣмъ доктор-
ство, которое само по себѣ не даетъ ни какихъ правъ на
продолженіе службы. Сдѣлайте милость не раздражайте лю-
дей, которые владѣютъ бѣлыми и черными шарами“.

Въ Сентябрѣ 1873 г. А. Васильевичъ убѣждалъ П. С-ча
отказаться отъ диспута. „Ректоръ началъ убѣждать меня
отказаться отъ диспута, писалъ П. С-чъ, ибо мнѣ не нужно
теперь степень доктора. Вы теперь въ благородномъ поло-
женіи, говорилъ онъ, одержали верхъ и удовольствуйтесь
симъ. Диспутъ неизвѣстно чѣмъ кончится, и можетъ при-
нести огорченіе и Академіи и Вамъ“. Онъ прочиталъ запи-
санный разговоръ съ митрополитомъ. „Хочетъ ли Казанскій

¹⁾ С. Намѣстникъ Лавры.

держатъ диспутъ?“ „Не знаю, но кажется думаетъ“. „Но зачѣмъ ему держатъ?“ „А Вы, какъ думаете о семъ дѣлѣ, Владыка?“ „Я думаю, что обѣ стороны правы“. „Пожалуйте ли Вы на диспутъ?“ „А мнѣ что тутъ дѣлать?“ „Нѣтъ не буду“. Я сказалъ Ректору, что остаюсь при своемъ желаніи держать диспутъ.

По желанію П. С-ча диспутъ его состоялся 2 Октября 1873 года и окончился благополучно. По поводу диспута въ „Современныхъ „Извѣстіяхъ“ помѣщена была передовая статья, въ которой дѣло о докторствѣ П. С-ча изображено такъ: „Авторъ диссертациі-ветеранъ академіи, въ свое время много работавшій по исторіи христіанской церкви, хотя и не стяжавшій своими трудами громкой извѣстности въ ученомъ нашемъ мірѣ. Прослуживъ 30 лѣтъ въ академіи, онъ былъ забаллотированъ своими товарищами. Не задолго до этого несчастія онъ представилъ въ Совѣтъ Академіи свою диссертацию на степень доктора и не покинулъ своего ученаго исканія, когда принужденъ былъ оставить службу. Совѣтъ академіи раздѣлился: одни находили диссертацию заслуживающею искомой степени, другіе—нѣтъ. Сколько намъ извѣстны тамошнія отношенія по собственному давно прошлому опыту, можно сказать, что на обѣихъ сторонахъ были люди, руководившіеся при этомъ личными отношеніями и задними соображеніями, — а не научнымъ свойствомъ диссертациі. Отъ этого произошла академическая борьба, отголоски которой, не особенно веселаго и лестнаго для академіи характера, доходили и до нихъ. Наконецъ какъ то дѣло уладилось и передъ Пасхой текущаго года былъ назначенъ диспутъ. Но въ ночь предъ диспутомъ совершились вещи, которыя въ распространенныхъ (потомъ слухахъ получили таинственный и маловѣроятный отгѣнокъ. Рассказываютъ, будто члены академическаго Совѣта, принужденные вслѣдствіе своего меньшинства допустить докторанта до диспута, вдругъ всѣ заболѣли, такъ что объявили себя неспособными присутствовать на диспутѣ. Отъ этого диспутъ не состоялся по недостатку всѣхъ требуемыхъ наличныхъ членовъ. Такъ дѣло на время кончилось. По окончаніи учебнаго года стали рассказывать, что высшая церковная власть сдѣлала нечаянно заболѣвшимъ строгое внушеніе, дабы впредь не повторялись подобныя несчастія. Вслѣдствіе ли

этого или чего другого, рѣшить это мы люди сторонніе не можемъ, съ наступленіемъ новаго академическаго года поднять былъ вопросъ о злополучной диссертациіи и на этотъ разъ разрѣшился благополучнымъ образомъ, безъ болѣзней и печалей, диспутомъ 2 Октября“ 1).

Получивъ степень доктора, П. С-чъ въ то же время былъ утѣшенъ вниманіемъ къ нему высшей церковной власти. Св. Синодъ, принявъ во вниманіе 30-ти-лѣтнюю, отлично усердную службу П. С-ча, многочисленныя ученые труды его и наконецъ болѣзненное состояніе, требующее усиленныхъ расходовъ на врачебное пособіе, положилъ, съ Высочайшаго соизволенія, назначить ему пенсію внѣ правилъ, въ количествѣ 1100 р.

Въ 1874 году П. С-чъ оставилъ свою преподавательскую службу при академіи, а въ слѣдующемъ году оставилъ свою земную службу его рѣдкій другъ А. В. Горскій. Съ грустію писалъ П. С-чъ по кончинѣ А. Васильевича: „мнѣ теперь въ академіи не къ кому обратиться за совѣтами по научнымъ вопросамъ и пользованіе книгами затруднительно. Дѣлюсь своими воспоминаніями о покойномъ съ И. И. Срезневскимъ. Думаю, что онъ въ своей запискѣ скажетъ задушевное слово о почившемъ“. П. С-чъ зналъ, какъ все дѣло его о баллотировкѣ и докторствѣ тяжело отразилось на здоровьи А. Васильевича. „Невольною причиною его тяжелой болѣзни былъ, конечно, и я грѣшныи. Послѣ поразившей его забаллотировки моей, цѣлый годъ его мучилъ моею диссертациею. Болѣе же ему было спокойствія, если бы я отказался отъ докторства? Сомнѣваюсь. У него всегда оставалось бы на душѣ то тяжелое сознаніе, что мнѣ не дали степени, которую давали людямъ не болѣе меня имѣвшимъ право. Но

1) Современ. Извѣстія 1873 г. № 275. О диспутѣ П. С-ча сообщается слѣдующее въ письмѣ профессора Московской академіи А. Θ. Лаврова къ Н. В. Елагину. „Сейчасъ возвратился съ диспута. Доктораиъ защищался съ достоинствомъ и показалъ обширныя свѣдѣнія и діалектическую ловкость въ отвѣтахъ. Оффиціальные оппоненты были два: А. В. и Л. Возраженія перваго были основательны, а послѣдняго болѣе легкія. Публики было много и по окончаніи диспута докторъ встрѣченъ многочисленными и продолжительными аплодисментами всѣхъ. Слава Богу, что такъ счастливо окончилось прискорбно начатое дѣло“.

Господь успокоилъ отъ всѣхъ волненій постояннаго страдальца о. Ректора“.

Дружба А. Васильевича къ П. С-чу отражала ту христіанскую любовь, которою жилъ знаменитый ученый и великій ректоръ,—любовь, готовую восполнять собою другого, жертвовать собою для другого и не искать *своихъ си.*

Пр. А. Бляевъ.
